

Иных уже не вспомнишь имена...
 Дом нынче пуст. Печаль его объяла.
 Судьба друзей невнятна и страшна.
 В глухой ночи шепчу под одеялом:

«Что сделали с тобой, моя страна?!
 Господь, ответь, и в чём моя вина?!
 Наставь, Господь,
 и крест готов нести я...»

Тоска встаёт из мрака, как стена.
 Из пустоты смеется сатана,
 И я грызу подушку от бессилья.

* * *

Вся мудрость книг –
 в увядшем лепестке,
 В мерцающей созвучьями строке,
 В сгоревшем на лампаде мотыльке
 И в драгоценной маленькой руке...

Но правда в том, что нечего сказать,
 Когда ответа ждут твои глаза,
 Что страшно потерять земной уют,
 Когда закат сгорает на краю

Больных небес...
 И в этот скорбный час
 Ты вдруг увидишь ясно, без прикрас,
 Что безразлично, выдумка ли, быль.
 Мы – призраки, космическая пыль.

* * *

Лишь шорох пролетающих машин
 Да тихий шепот летнего дождя...
 И, как всегда, не хочется спешить,
 И так же трудно что-нибудь решить,
 По полуночным улицам бродя.

Сорви цветок – на влажных лепестках
 Таинственные линии судьбы,
 Пустая грусть ночей,
 вчерашний страх...

Ты все пытался выразить в словах,
 Но полно, все не так. Слова грубы.

Слова грубы, но есть простой цветок,
 И на руках душистая пыльца,
 И весело гремящий водосток.
 Еще – едва светлеющий восток,
 Как смутный контур Божьего лица.

И радостно внезапно ощутить
 В глухой душе нездешний,
 странный жар,
 Постичь себя, и все в себе вместить,
 И все обиды радостно простить...

И унести с собой случайный дар.

* * *

Она всё та ж –
 Линор безумного Эдгара...
Александр Блок

Необъяснимая тревога
 Живёт в ночи.
 В такую ночь тревожить Бога?!
 Молчи, молчи!

Молчи о прошлом, Бога ради!
 Смотри, смотри –
 Огонь в твоей пустой лампаде
 Едва горит!..

Мне не забытья до рассвета,
 Я не смогу!
 Стихи безумного поэта
 Звучат в мозгу.

Наедине с собой и Богом –
 Ведь с нами Бог? –
 Услышу шорох за порогом
 И слабый вздох.

И странно, и немного жутко –
 А может, враг?
 А может, чья-то злая шутка,
 Иль тайный знак?

А может, просто безнадёжный
 Усталый гость?

Войди, сними свою одежду,
Повесь на гвоздь!..

Ответа нет, лишь тьма смеётся,
Кругом темно!
Лишь только ветер, ветер бьётся
В моё окно!

Лишь сполох дальнего пожара
Пронзает тьму...
Линор безумного Эдгара
Идёт к нему.

* * *

Мария, ночь окутала сады,
И замерли во мраке города.
Окончены тяжёлые труды,
Уснули утомлённые стада.
Глотком холодной ключевой воды
С небес прольётся синяя звезда...

Мария, храм пустынен, бога нет.
Давно истлел в гробнице гордый царь.
Затёрты кем-то знаки на стене,
Но жертвенник дымится, как и встарь.
Сквозь кварцевые окна в вышине
Луна роняет блики на алтарь...

Мария, сон созвездий, прах святынь,
Слова молитв на тёмных языках,
Палящий ветер неживых пустынь,

И города, зарытые в песках...
Круг разорвав, невнятная, застынь
Звездой Огня в пылающих веках!

* * *

Когда борозда отвергает зерно
И плоть распадается в прах,
Когда прокисает в подвалах вино
И меркнет свеченье в зрачках,

Когда в отдаленных, укромных местах
Ликуют владыки земли,
Когда с пьедесталов
в больших городах

Последних кумиров снесли,

Когда, неразгаданной тайной дыша,
Погосты рождают огни,
Когда в бездорожье блуждает душа,
Листая постылые дни,

Когда умирает последний солдат,
Оплакавший пепел святынь –
Тогда просыпается древний набат
В пространствах горячих пустынь.

В остывших кровях пробуждая огонь,
В цепи размыкая звено,
Сияющий Бог

разжимает ладонь

И в землю швыряет зерно!

Голубничий Иван Юрьевич – поэт, литературовед, переводчик, общественный деятель. Родился в 1966 году в Москве. Секретарь Союза писателей России. Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Чеченской Республики и Республики Дагестан. Переводил стихи чеченских, ингушских, аварских, даргинских, табасаранских поэтов – классиков и современников, а также поэтов Туркменистана, Болгарии, Сербии, Хорватии, Румынии, Македонии.

